

«Новый реализм» русской литературы в зеркале манифестов XXI века

Инна Калита

Аннотация

Статья представляет собой полемические заметки к широкомасштабной дискуссии о «новом реализме» в русской литературе первого десятилетия XXI века. Рассматриваются манифест С. Шаргунова «Отрицание траура» (2001) и «Манифест новой жизни» (2004) В. Пустовой, а также подводящая итоги литературного десятилетия статья А. Рудалёва «Катехизис "нового реализма"» (2011). Автор представляет противоречия в стремлении теоретического обоснования «нового реализма», как нового литературного направления. Попытки молодых критиков найти стратификаторы между новым и старым реализмом были малоуспешны. Пренебрегая постмодернизмом и отрицая старую традицию, сами «новые реалисты» являются продуктом синтеза названных направлений. Молодое поколение, пришедшее в литературу, более свободно в выборе средств и тем, т.к. оно не ощутило на себе тиски советской эпохи, когда литература была вопросом «государственным», подконтрольным власти. К основным чертам младших русских реалистов можно отнести следующие: языковая раскованность; прерванная литературная преемственность («пустота»); сочетание элементов соцреализма и постмодернизма; фрагментарность изображения действительности; автобиографическая рефлексивность; использование авторами различных пиар-способов продвижения своего творчества. Определение «новый», соотносящееся с реализмом нашего времени, не свидетельствует о развитии нового литературного направления, а дополняет лишь новую ось времени, с позиций которой в уже существующее направление вносятся новые темы и корректируются ценности.

Ключевые слова

полемические заметки; русская литература; XXI век; «новый реализм»; постмодернизм; соцреализм; фрагментарность; автобиографическая рефлексивность

Abstract

“New Realism” in Russian Literature as Reflected in the 21st Century Manifestos

The article is arranged in a form of polemic notes on an extensive discussion of “a new realism” in Russian literature which emerged in the first decade of the 21st century. The manifestos written by S. Shargunov *Renunciation of Mourning* (2001), by V. Pustovaya *A Manifesto for a New Life* (2004), as well as the article *The Catechism of “a New Realism”* written by A. Rudalyov (2011) are analysed. The author uncovers the contradictions of seeking some theoretical ground for “the new realism” being taken as a new literature approach. The attempts to find some stratifying indicators showing the difference between the old and the new realism made by young critics were not successful. Though neglecting postmodernism and rejecting the old tradition, “new realists” are the products of the synthesis of mentioned literature approaches themselves. The young generation, which has come into the literature, enjoys more freedom when selecting the means and topics since they have never faced the limitations set by the Soviet era when literature was considered to be “a governmental” issue controlled by the authorities. The main features which belong to the younger Russian realists include the following means such as language

looseness; interrupted literature succession ('emptiness'); combination of elements which are typical for social realism and postmodernism; fragmentary reality description; autobiographical reflexivity; the usage of various PR-methods to promote their literary works. The definition of *new* which relates to the realism of a modern time cannot be treated as the evidence of a new literature approach development, it only adds a new time axis for already existing direction where new topics are being introduced and new values are being revised.

Key words

polemic notes; Russian literature; 21st century; "new realism"; postmodernism; social realism; fragmentary reality description; autobiographical reflexivity

Введение

«Послераспадовый» период советской литературы приближается к четверти столетия, в истории литературы – это не столь значительный срок, как в жизни отдельного человека. Однако с учетом смены веж – столетий и социально-политических парадигм, распада СССР, можно рассматривать советскую литературу как Атлантиду, еще дающую о себе знать, но одновременно вместе со своими традициями и ценностями стремительно уходящую в лету. Взрастившая несколько поколений советская Атлантида еще имеет своих живых свидетелей – «соучастников» и зрителей. Первые – ее творцы, писатели XX века. Вторые – читатели XX и XXI веков. Последние значительно отличаются в восприятии письменного слова вообще. Книгу все чаще заменяет визуальный образ, а литература снимает генеральские погоны, некогда пожалованные ей системой советского образования. Литературоцентричность восприятия культуры – основная характеристика среднего поколения, прошедшего советскую школу, сегодня образует пропасть между старшим/средним и новым, родившимся в «послераспадовый» период, поколениями. Процесс естественного самоочищения наций от коммунистической идеологии, начавшийся после распада СССР, в каждой стране связан с оформлением национальной идентичности, – в целом же это переходный период, период поисков и постоянных смен в картине изменяющегося мира. Д. Быков констатирует, что *эпоха еще не оформилась*, уточняя при этом: «*Мы вступили в другой, сугубо материальный, сырьевой период, в котором великие абстракции уже почти ничего не значат*».¹

Неоформленность литературы отражена и в избранных писателями конца XX – начала XXI вв. магистральных направлениях. Постмодернизм становится эхом прошлого и мостом в будущее. Однако уже самое начало XXI века свидетельствует о том, что молодым писателям не хочется плыть по течению, и навигаторы поворачивают корабль русской литературы в направлении реализма.

«Мне кажется, что Россия после всех пертурбаций, после всех прошедших по ее лицу цивилизаций, религиозных реформаций и социальных революций возвращается более или менее в одно и то же состояние. В состояние уютного туповатого полусна, в котором и написана

1 BYKOV, D.: *Vozvraščenije sovetskoj literatury*. In: Ogonek, 2007, № 52. [online] URL: [http://www.ogoniok.com/4978/5/\(data obraščeniija: 1.03.2015\)](http://www.ogoniok.com/4978/5/(data%20obraščeniija:1.03.2015)).

вся литература от поздних 20-х до 40-го, от поздних 60-х до ранних 80-х. По-моему, сейчас она опять в него впала. Самое время для снов о “Тишине”, “Судьбе” и “Счастье”». ²

Молодое поколение русских писателей, – на их взгляд, – не идет в русле традиционного реализма, оно создает новое реалистическое направление – «новый реализм». Термин «новый реализм» с самого начала нулевых стал предметом бурных споров и дискуссий на страницах газет и литературных журналов. Стремление молодого поколения писателей и критиков выдвинуть новое литературное направление базировалось на пренебрежении к постмодернизму, и шире – на отрицании старой традиции.

Данная статья – своеобразные полемические заметки к манифестам «нового реализма», возникшим в самом начале XXI века, ее цель – представить противоречия в стремлении теоретического обоснования «нового реализма» – как нового литературного направления.

1. Русская дочь советской матери – нравы литературной молодости

На протяжении всей советской эпохи критика решала вопрос народности литературы. В ранний постсоветский период исчезает понятие единства народа, выдвигается именно идея разделенности по различным параметрам, чаще социальным: богатые и бедные, молодые и старшие, оставшиеся и имигрировавшие, верующие и неверующие, думающие и плывущие по течению. В принципе – литературная сцена России становится толерантной и демократичной. «Общую литературную ситуацию в стране я расцениваю как просто отличную. Каждый волен писать все, что ему взбредет в голову, не опасаясь быть посаженным на цепь. Другое дело – удастся ли ему это напечатать <...>». ³

Следуя теории В. Б. Шкловского: в каждую эпоху в литературе одновременно присутствует несколько литературных школ, при этом одна из них – ее канонизованный гребень, – можем констатировать, что на гребень современной русской литературы поднялись опоенные свободой “новые” реалисты. Однако проблема в том, что на гребне – пока только амбициозные поиски себя в реализме, блуждания, пробы. Это касается не только входящих в литературу, но и тех представителей младшего поколения, которые за свои литературные заслуги получили соответствующие лавры – литературные премии, которых в России сейчас много.

«Каждая новая литературная школа – это революция, нечто вроде появления нового класса». В. Б. Шкловский отмечал, что «новый гегемон обычно является не чистым восстановителем прежней формы, а осложнен присутствием черт других младших школ, да и чертами унаследованными от своей предшественницы по престолу, но уже в служебной роли». ⁴

2 Ibidem.

3 ПОПОВ, Је.: *Diskussionnyj klub. Sovremennaja literatura: Nojev kovčeg?* In: Znamja, 1999, № 1.

4 ŠKLOVSKIJ, V. B.: *Literatura vne „sjužeta“*. 1925. [online] URL: <http://transformations.russian-literature.com/node/17>. (data obračćenija: 1.03.2015).

“Новые” реалисты – осколок хорошо известного реалистического направления, которое, по теории Шкловского, – в конце XX века представляло побежденную “линию”. Линия эта не была уничтожена совсем, а лишь сбилась с гребня, “ушла” «вниз гулять под паром и снова может воскреснуть, являясь вечным претендентом на престол».⁵ “Новые” реалисты – плод синтеза соцреализма и постмодернизма, хотя и первый и второй они не считают полноценной литературой.

А. Рудалёв характеризует “новый” реализм как синтетическое явление, а разговоры о его четких категориальных принципах и критериях – как наследии постмодерна, считает неуместными, т.к. цель этих разговоров – «положить живой дышащий становящийся и развивающийся литпроцесс в прокрустово ложе схем с кандалами сомнительных истин. <...> Поиск критериев – лукавый подход, он как раз направлен на то, чтобы подверстать под литературу то, что, хромая, влачится за ней – инвалидный обоз на иждивении. И здесь в состоянии пафосного озарения можно проговорить еще одну тривиальную банальность: литература, если она в развитии, на десятки миль впереди всего устоявшегося, определенного, устаканившегося. Она в движении, любые критерии в состоянии покоя. Поэтому и будет восприниматься аномалией, некоей ошибкой, граничащей с чудом, потому как всегда революционна и стихийна, рождается из соединения несоединимого...».⁶

К новым реалистам в нулевые годы стали причислять всех, кто сам себя в полный голос не относил к постмодернистам (С. Шаргунов, З. Прилепин, Г. Садулаев, Л. Айрапетян, А. Бабченко, Р. Сенчин, Д. Гуцко, И. Кочергин, А. Карасёв, Д. Новиков, И. Мамаева, Н. Ключарева и др.). Среди них опытнее Д. Быков и З. Прилепин, но это совершенно разные фигуры. Их значимость подчеркивается, по мнению И. Фролова «не мощью своих книг, а своим деятельным участием в общественной жизни и, не в последнюю очередь, своими внешними, такими противоположными, обликами – взростлого Амура и прекрасноокого Алеши Поповича».⁷

2. История “нового” реализма. О “новых” реалистах XXI века

2.1 Манифесты “новых” реалистов: провозглашение идеи и отрицание структуры

Идеологами “нового реализма” и продвижения этого термина стали Сергей Шаргунов и Валерия Пустовая. “Новый реализм” – по определению С. Шаргунова – это «пароль для того свободного поколения, которое преодолело унылый бред старопатриотов и старалибералов. Мы любим свою страну и не боимся быть вольнодумцами <...>».⁸

5 Ibidem.

6 RUDALEV, A.: *Katechizis «novogo realizma»*. *Vtoraja volna*. In: XXI VEK. Itogi literaturnogo desjatiletija: jazyk – kul'tura – obščestvo. UIGTU, 2011. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/sbornik-konfl.htm> (data obraščenija: 1.03.2015).

7 FROLOV, I.: *Geometrija literatury*. In: Ural, 2010, №1. [online] URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2010/1/fr13.html> (data obraščenija: 1.12.2014).

8 ŠARGUNOV, S.: *Interv'ju: Ja ne buntar, ne excentrik, a živovj zdravomysljaščij čeloveč*. In: Bělomorkanal, 2010

О себе С. Шаргунов говорит: «Если угодно, называйте меня “народником”. Социальность вернулась. Постмодерн сменило новое обращение к реализму, омолодившемуся через авангардные приемы. Люди изголодались по “правде жизни”. Сейчас будут в цене романы о судьбе обычных людей – инженеров, офицеров, таксистов. На фоне филологической и гламурной глади – это тоже экстремальные вызовы».⁹

В 2001 году С. Шаргунов издал манифест «Отрицание траура», который В. Пустовая назвала программным, но оба радетеля введения “нового” термина проигнорировали его генеалогию, либо действительно о ней ничего не знали. Термин, однако, приобрел некоторую популярность, его авторство даже начали оспаривать. С. Казначеев пишет: «группа писателей среднего и молодого возраста решила провести конференцию по проблемам современной прозы. Мною было предложено название: «Новая московская проза». Но утвердили тему, сформулированную М. Поповым, – «Новый реализм». В 1997 году в стенах Московской писательской организации прошла первая конференция».¹⁰ В 1999 и 2000 гг. прошли еще две конференции под названием «Новый реализм».

“Принадлежность” авторства в новом веке никак не меняет сущность вопроса, ибо “новый” реализм – не что иное, как давно известный термин, о котором более основательно писали классики: в XIX веке – И. Гончаров, в начале XX века – Е. Замятин и др. Отдельные попытки найти стратификаторы между новым и старым реализмом предпринимались молодой критикой, но в целом их можно назвать эмоциональными, поверхностными, оторванными от традиции, возникшими из хаоса времени.

Отличительным знаком “новых” реалистов Д. Колесников считает социальный пессимизм, сравнивая с “пролетарским” руслом понимания на уровне бытового восприятия: «Если в советское время люди имели определённые идеалы и сложившуюся систему ценностей, если в них с детства ковался героический дух и воспитывался оптимистический взгляд на жизнь, то с распадом СССР все это было разрушено пришедшими к власти «реформаторами», не сумевшими предложить взамен утраченной духовной Атлантиды ничего, кроме культа потребления».¹¹

2.2 С. Шаргунов «Отрицание траура»

Манифест С. Шаргунова «Отрицание траура» – сложенье пестрых глав, построенных по образцу: один абзац – утверждение, следующий – отрицание. В самом нача-

(02.05.2010). [online] URL: <http://tv29.ru/index.php?point=culture&bl120number=2058>, tv29.ru (data obraščeniја: 1.12.2015).

9 ŠARGUNOV, S.: *Interv'ju: Priključenija slov. Tolstoj, I. Interv'ju s Šargunovym*. In: Rossijskaja gazeta. 2011. Federal'nyj vypusk № 5381 (5) 2011 (14.01.2011). [online] URL: <http://www.rg.ru/2011/01/14/shargunov.html> (data obraščeniја: 1.11.2014).

10 KAZNAČEJEV, S.: *Kratkaja istorija voprosa o „novom realizme“ (ne mogu smolčat')*. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/kaznatsheev.htm> (data obraščeniја: 1.02.2015).

11 KOLESNIKOV, D.: *V zaščitu novogo realizma*. In: Literaturnaja Rossija, 2010, № 34–35 (20.08.2010). [online] URL: <http://www.litrossia.ru/2010/34-35/05521.html> (data obraščeniја: 1.02.2015).

ле автор констатирует: «*Серьезная литература больше не нужна народу. Несложно подметить: в метро каждый третий мертвецки уткнулся в глянцевого томик. Масскультура берет свое*».¹²

Как будто в любое иное время народ только и делал, что читал исключительно высокую литературу! Так и напрашивается Венедикт Ерофеев: «– *Да, да! Я очень люблю читать! В мире столько прекрасных книг! – продолжал человек в жакетке. – Я, например, пью месяц, пью другой, а потом возьму и прочитаю какую-нибудь книжку, и так хороша покажется мне эта книжка, и так дурен кажусь я сам себе, что я совсем расстраиваюсь и не могу читать, бросаю книжку и начинаю пить, пью месяц, пью другой...*».¹³

Уже через два абзаца автор манифеста возвращается к реальности: «*А в дореволюционной России безграмотная деревня (большинство) читала, что ли, у русских классиков про себя, деревню?*», и далее преподносит тезис, из которого, сняв розовые очки, и нужно исходить: «*Что до пресловутых масс, в лучшем случае о Пелевине – Сорокине слышали звон. Читает их студенты гуманитарных вузов*».¹⁴

С. Шаргунов стилистически вторит хрестоматийному манифесту «*Поощрения общественному вкусу*» (1912), но постоянно возвращается к своему излюбленному приему отрицания-провозглашения: «*Молодой человек инкрустирован в свою среду и в свою эпоху, свежо смотрит на мир, что бы в мире до того ни случилось... Два старших брата (Пелевин и Сорокин) раскатисто похохатывают над беспомощным отцом Ноем (традиционная литература), но младшенький не желает смеяться. Грядет смена смеха. Грядет новый реализм*».¹⁵

И до С. Шаргунова мало кто из цитирующих манифест Бурлюка – Крученых – Маяковского – Хлебникова останавливался над фразой «*Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней*», а ведь она и есть предвосхищение моста – осмысление перехода – переходной эпохи, которая впитала в себя и старое, и новое. Культурный переход постсоветской эпохи Шаргунов называет «*агонией постмодернизма*».

«*Человеку нового российского поколения не придет в голову пародировать окружающую его родную реальность, да еще через гримасы неродного советского периода. В этом исключительная прерогатива постмодернистов. В этом закономерность их появления, и их роль – пробить, прокукарекать новое историческое время. Постмодернисты – часы со смехом. Смеясь, они расстаются с прошлым. Смеясь, они дичатся нарождающегося настоящего*».¹⁶

С. Шаргунов предлагает много противоречивых и спорных мыслей: «*Самое болезненное для «плакальчиков литературы» – материальное положение... Да, в незаидеологизированном обществе литература невыгодна. А в заидеологизированном – писали и в стол*».¹⁷

12 ŠARGUNOV, S.: *Otricanije traura*. In: Novyj Mir, 2001, №12. [online] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (data obraščeniya: 1.03.2015).

13 JEROFEJEV, V.: *Moskva – Petuški*. SERANN, 2002. [online] URL: <http://www.serann.ru/text/moskva-petushki-9669> (data obraščeniya: 8.03.2015).

14 ŠARGUNOV, S.: *Otricanije traura*. In: Novyj Mir, 2001, №12. [online] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (data obraščeniya: 1.03.2015).

15 Ibidem.

16 Ibidem.

17 Ibidem.

Следуя его высказыванию можно сделать вывод, что советская литература не дала настоящих образцов, что в советскую эпоху вообще невозможно было писать, кроме как в стол. Такой взгляд часто преподносят западные литературоведы, внимательно читавшие и изучавшие творчество одного или нескольких русских писателей, но не впитавшие культурологическую составляющую данного периода на собственном опыте. Но оказывается, что и младшее русское литературное поколение не имело шансов или не ставило себе такой цели – проникнуть вглубь своей культуры. Для многих “новых” реалистов история началась с истории СССР, и СССР они считают своей Родиной. Подмена понятий, характерная для национальной политики советской Империи, которая в большей степени в советское время была ориентирована в национальном вопросе на бывшие республики, дала свои неожиданные плоды.

На чем основывается у С. Шаргунова знание «незаидеологизированного общества» (если такое вообще возможно?) не совсем понятно, скорее, – это взгляд через мультифокальные стекла советской традиции, отгороженной от всего мира колючей проволокой и редутами агрессивных стереотипов. Увы, стереотипы – вещь живучая, и тексты Шаргунова, содержащие множество штампов и стереотипов – живое тому свидетельство.

«В литературе “новый реализм” – серьезность, социальность, искренность, пришедшие на смену тебеовым экспериментам <...>».¹⁸ Можно ли утверждать, что в соцреализме отсутствовали серьезность, социальность, искренность, и что все эти составные входят в произведения каждого “нового” реалиста?

С. Шаргунов говорит: «*постмодернист – змея, кусающая себя за хвост*». По сути он формулирует ассоциацию с символом Уробороса. Уроборос – репрезентация бесконечности, циклической трансформации жизни, символ вечного движения. В его семиотику Шаргунов пытается вписать метафизику-физиологию постмодернистской литературы, по его мнению, – чужеродный организму литературы поповый смехок: «*литературу начинает трясти рвотой, и видно по самим постмодернистам, что они насилюют себя, подстраиваясь под определенный эталон стиля*». Кроме того, он сравнивает постмодернистскую линию с фельетоном («*подлинная литература неадекватна штампу, а фельетон – да*»).

По большому счету Уроборос и есть древнейший классический штамп, а его имманентная особенность – самопреодоление. И по этим критериям Уроборос – есть более реализм, нежели постмодернизм. Штамп – бытие человека с его архетипичными символами и пространством, а поглощение хвоста есть преодоление – социальные и экономические трансформации. Постмодернизм в такой аналогии скорее ящерица, в момент опасности отбрасывающая хвост. Постмодернизм, базируясь на реализме, предлагает читателю рассмотреть разноцветье спектра хвоста ящерицы, который имеет контрастные пятна и полосы, и в целом более яркую и богатую окраску, чем остальные части тела.

18 Ibidem.

Жанр фельетона – как пограничный между художественным и публицистическим стилями, между реализмом и фантастикой, имеет свое значение для сравнения в рассматриваемом нами контексте (это вопрос для отдельного самостоятельного исследования), но вряд ли в направлении, обозначенном С. Шаргуновым. Хотя в одном он прав, и это в определенной степени характеризует и его самого: «Зощенко оседлал штамп, у него штамп, по сути, пародирует сам себя... Через наслаения пародий новый человек (даже варвар – тем лучше) обнаруживает твердую первооснову, заново открывает литературную традицию».¹⁹

2.3 В. Пустовая о «мальчике Сергее Шаргунове» – как символе русского возрождения

В 2004 году вышел «Манифест новой жизни» Валерии Пустовой, еще более пафосный, чем манифест С. Шаргунова – по эмоциональному накалу ученица превзошла учителя. Стилль В. Пустовой в целом иной, она более логична, местами иронична, не чужда ей и самоирония, порой, как пишет сама о себе, – «меняет культурологическую призму на эстетский монокль». Вступительная часть манифеста – самопиар (свойственный в большей или меньшей степени всем критикам ее поколения).

«Приятно, когда тебя называют девственной фашисткой. Особенно если тебе, 20-летней Белой Шляпочке, говорит это серый сластолюбый критик, издавший верстки Волк из влиятельного толстого журнала. Особенно если ты вовсе не о нацизме с ним разговариваешь, а о литературе, и пришла к нему не стрелять, а застенчиво спасать мир от духовного кризиса. Доверчиво положив перед ним статью о великом Серееже и слушая волчьи отрезвляющие речи, ты чувствуешь себя немного революционеркой, и отшлепанным гением, и в угол поставленной музой. Наконец, когда он говорит: “Вы так страстно его воспели. Но то, что вы в нем увидели, – только поза”».²⁰

В своем «Манифесте» В. Пустовая разбирает три символа. Символ судьбы – философ-культуролог Освальд Шпенглер: «предсказал рождение молодой русской души после 2000 года. По его мнению, до сих пор мы не жили, не осознавали себя». Как известно, подобные предсказания периодически (но о другом времени) встречались и ранее. Уместно вспомнить В. Г. Белинского: «... русскому легче усвоить себе взгляд француза, англичанина или немца, нежели мыслить самостоятельно, <...> в отношении к самому себе [он], еще загадка, потому что еще загадка для него значение и судьба его отечества, где все зародыши, зачатки и ничего определенного, развившегося, сформировавшегося».²¹

Второй символ – символ духовного кризиса – писательница Татьяна Толстая («Ее “Кысь”, по Шпенглеру, это пракультура, пранарод, предшаргунове»»). Третий символ –

19 Ibidem.

20 PUSTOVAJA, V.: *Manifest novoj žizni. O Špengler „Zakat Jevropy“ – T. Tolstaja „Kys“ – S. Šargunov „Ura!“* In: Prolog, 2004. [online] URL: <http://ijp.ru/razd/pr.php?failp=01501200215> (data obraščeniya: 1.03.2015).

21 BELINSKIJ, V. G.: *Vzglyad na ruskuju literaturu 1846 goda*. In: *Sobranije sočinenij v trech tomach*. Moskva: OGIZ, GICHL, 1948, Tom III. Stat'ji i recenzii 1843–1848, c. 194. [online] URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1846.shtml (data obraščeniya: 1.03.2015).

символ русского возрождения – Сергей Шаргунов, которого В. Пустовая называет “вестником” новой культуры, “ее предошутителем”, “новой русской кровью”.

Главная особенность современной литературной молодости, по ее мнению, – абсолютное отсутствие рефлексии по отношению к прошлому: *«Поэтому сегодняшним молодым невозможно жить в ответ, в пофрек и вопреки. От чего им отталкиваться – от пустоты?»*²² Нужно отметить, что такое развитие мышления поколения, родившегося в 90-е годы – общеевропейская тенденция, являющаяся в том числе результатом новых трендов образования: ребенок должен знать свои права – этому учат в школе, но у него исчезают представления об обязанностях.

По мнению В. Пустовой *«На более высоком уровне проблема бытийной самозащиты превращается в проблему сбережения своей индивидуальности и, наконец, в вопрос об оригинальном, только мне подходящем, смысле жизни. Если для недавней литературы характерен был образ безысходно потерянного человека, то молодая проза предлагает нам героя, преодолевшего бессмыслицу и отчаяние»*.²³

Утверждение весьма спорное сразу в двух аспектах: (1) только мне подходящий смысл жизни “попахивает” и обломовщиной и фашизмом, (2) героя, преодолевшего бессмыслицу и отчаяние, в новой литературе тяжело отыскать, разве что под бессмыслицей следует понимать советскую идеологию. Ведь даже самый увенчанный сегодня литературными лаврами Захар Прилепин не дает нам целостного героя. Его герой в поиске, где-то бунтарь, где-то индифферентный романтик, но ни в коем случае – самодостаточный образ. Актуальным действительно остается понятие ‘пустоты’. О нем говорит еще один известный критик новой волны А. Рудалёв в одной из своих последних публикаций *«Брань с пустотой»*.

2.4 А. Рудалёв «Катехизис “нового реализма”. Вторая волна»

А. Рудалёв – автор статьи *«Катехизис “нового реализма”*», подводящей итоги первого неореалистического десятилетия XXI века. Он справедливо отмечает, что эпитет “новый” часто вводит в заблуждение, *«свидетельствуя не о принципиальной новизне литературы, а о новых реальностях, вызовах современности, с которыми приходится сталкиваться авторам. Они для России действительно новы, во многом уникальны»*.²⁴ Следуя С. Шаргунову, важным элементом “нового” реализма он провозглашает *социальность*. Создается впечатление, что оба мало знакомы с советской литературой, либо само понятие социальность совершенно изменило свои характеристики.

«Эпитет “новый”, конечно, делает акцент на методе, но в равной степени он иллюстрирует призыв к новой реальности» – пишет А. Рудалёв. Есть ли необходимость призывать к новой реальности, если она – суть каждого нового дня, изменяющаяся дейст-

22 PUSTOVAJA, V.: *Diptich*. In: Kontinent, 2005, №125.

23 Ibidem.

24 RUDALEV, A.: *Katechizis «нового реализма». Вторая волна*. In: XXI VEK. Itogi literaturnogo desjatiletija: jazyk – kul'tura – obščestvo. UIGTU, 2011. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm> (data obraščeniya: 1.03.2015).

вительность – закон природы? Без призыва к новой реальности не наступит завтра?

*«И в этом плане «новый реализм» – это сила протеста. Это оппозиция, это альтернатива, свидетельствующая о том, что мир вокруг нас может и должен меняться, и в этом плане он, конечно, близок к романтизму. Только это призыв к новым реальностям не в виртуальном сугубо художественном пространстве, а в реальном измерении... “Новому реализму” интересно переобустройство общества».*²⁵

В своих суждениях Рудалев и Шаргунов часто противоречивы, поэтому вопрос – в чем же в действительности отличается по их мнению “новый” реализм от “старого” – остается вопросом без ответа.

Соцреализм родился как отрицание старых идей, а не полное отрицание реалистических традиций предыдущего века, он развивался в русле, которое хотя и отражало идеологически окрашенную действительность, но тем не менее – это была действительность неустанно изменяющаяся. Призыв к новому был присущ реализму XIX и XX века. И “новый” реализм, и соцреализм отражают переобустройство общества. Переобустройство, как и социальность, всегда соответствует эпохе. В чем же кардинальное отличие, пропагандируемое А. Рудалёвым и С. Шаргуновым?

Говоря о качестве литературы “нового” реализма А. Рудалёв совершенно справедливо отмечает, что это дело сугубо вкусовое, спорное, и субъективный вкус *«каждый норовит использовать в качестве безусловного критерия, которым было бы неплохо крушить всех прочих инакотворческих, с другой эстетикой, которая не укладывается в прокрустово ложе моих воззрений-степеотипов».*²⁶ Однако тем же оружием – *«благвидной риторикой о необходимости отделения зерен от плевел»* умело пользуются сами критики новой волны.

Заключение

Развивая мысль Е. Замятина о развитии литературного процесса начала XX века, когда в русской литературе наблюдалась подобная тенденция (*«развивалось явление, затем – его противоположность, и наконец – сочетание двух противоположных направлений <...>, из сочетания противоположных течений – реалистов и символистов возникло течение нео-реалистов»*),²⁷ и соглашаясь с мнением С. Белякова, что *«новый реализм никогда не был особым художественным направлением»*,²⁸ и идеей И. Поспишила о том, постоянная смена литературных направлений – иллюзорное представление, при-

25 Ibidem.

26 Ibidem.

27 ZAMJATIN, Je. I.: *Lekcii po tehnike chudožestvennoj prozy*. (Studija «Doma Iskusstv», 1920 god). In: Vestnik Russkogo Christianskogo Dviženija. Pariž – N'ju Jork – Moskva, 1984, № 141. [online] URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1910> (data obraščeniya: 1.11.2014).

28 BELJAKOV, S.: *Istoki i smysl novogo realizma*. In: XXI VEK. Itogi literaturnogo desjatiletija: jazyk – kul'tura – obščestvo. UIGTU, 2011. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/sbornik-konfl.htm> (data obraščeniya: 12.01.2015).

витое школьными программами,²⁹ можно сделать заключение, что сейчас мы наблюдаем естественное отрицание ушедшей эпохи, набившей оскомину своей четко установленной языковой нормой и коммунистической лозунговостью.

Реализм в искусстве представляет собой остов, который не имеет шансов искнуть. Как каркас, спаянный из вечных архетипов, он притягивает к себе новые информационные поля, которые призваны неустанно актуализировать архетипичные образы. Остов реализма, лежащий в основе культуры, в любую эпоху основан на реальной событийности, сама же «несущая конструкция» реалистического здания всегда вписывается в культурную архитектуру времени. Реагируя на социальный заказ эпохи, она является эстетическим осмыслением этого заказа конкретными писателями. Субъективность писательской позиции предопределяет выбор строительного материала, внешнее обрамление и внутреннее благоустройство нового «здания».

Национальный язык и литература, будучи «сообщающимися сосудами», в которых уровни языковой и культурологической «жидкости» гармонично сопоставимы и неизменно выполняют свои функции, в каждую эпоху обновляются – уходят старые и приходят молодые «экспериментаторы», закономерно предлагая для своих творческих экспериментов новый материал. Для «сообщающихся сосудов» культуры переходная эпоха – это время помещения в них разных по своей «плотности» культурных слоев. Таким образом, высота культурологических «столбов» в это время в них не будет одинаковой.

Выводы

В литературе занимает свое место поколение, которое не ощутило на себе «прелести» советской эпохи, когда литература была «важным государственным» вопросом. Поэтому в современной литературе больше свободы.

Формулируя основные тенденции в развитии текущего этапа реалистического направления, к отличительным чертам младшего поколения современных реалистов, можно отнести следующие:

- языковая раскованность;
- сочетание элементов соцреализма и постмодернизма;
- прерванная литературная преемственность ('пустота');
- фрагментарность изображения действительности;
- автобиографическая рефлексивность – принцип художественного отражения действительности базируется на собственной биографии и общественной социализации (Сенчин, Кочергин, Прилепин);
- использование авторами различных пиар-способов продвижения своего творчества.

29 POSPÍŠIL, I.: *Národní obrození a literární směry (několik úvah)*. In: *Slavica Litteraria* 16, 2013, 1–2, с. 65.

Безусловно, реализм новой эпохи отрицает идейность советской литературы, и критика, идя на поводу у этой идеи очищения, стремится как-то обозначить новую фазу реализма. Определение “новый” дополняет лишь новую ось времени, с позиций которой в уже существующее направление вносятся новые темы и корректируются ценности.

Реализм – культурный хронотоп со сформировавшимся скелетом бытийных тем и архетипичных образов, который в разные периоды своего жизнепротекания чутко реагирует на происходящее и социализируется в изменяющихся условиях. Сущность реализма, как отображения действительности, не меняется. Изменяется сама действительность, а вслед за ней меняется ее отображающая литература.

Литература

- BELINSKIJ, V. G.: *Vzgljad na russkiju literaturu 1846 goda*. In: *Sobranije sočinienij v trech tomach*. Moskva: OGIZ, GICHL, 1948, Tom III. Stat'ji i recenzii 1843–1848. [online] URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1846.shtml (data obraščeniya: 1.03.2015).
- BELJAKOV, S.: *Istoki i smysl novogo realizma*. In: XXI VEK. Itogi literaturnogo desjatiletija: jazyk – kul'tura – obščestvo. UIGTU, 2011. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm> (data obraščeniya: 12.01.2015).
- BYKOV, D.: *Vozvraščeniye sovetskoy literatury*. In: *Ogonek*, 2007, № 52. [online] URL: <http://www.ogoniok.com/4978/5/>
- GONČAROV, I. A.: *Lučše pozdno, čem nikogda (Kritičeskije zametki)*. In: *Elektronnoje naučnoje izdaniye «GONČAROV» Fundamental'naja elektronnaja biblioteka „Russkaja literatura i fol'klor“*. [online] URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/default.asp?/feb/gonchar/critics/gvk/gvk.html> (data obraščeniya: 1.10.2014).
- GONČAROV, I. A.: *Mil'jon terzanij*. In: *Sobranije sočinienij: v 8-mi tt*. Moskva, 1955. T. 8, s. 7–40.
- JERMOLIN, Je.: *Slučaj novogo realizma*. In: *Kontinent*, 2006, № 128.
- ZAMJATIN, Je. I.: *Lekcii po tehnike chudožestvennoj prozy. (Studija «Doma Iskusstv», 1920 god)*. In: *Vestnik Russkogo Christianskogo Dviženija, Pariž – N'ju Jork – Moskva*, 1984, № 141. [online] URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1910> (data obraščeniya: 1.11.2014).
- IVANOVA, N.: *Uskol'zajuščaja sovremennost'. Russkaja literatura XX–XXI vekov: ot „vnekomplektnoj“ k postsovetskoy, a teper' i vseмирnoj*. In: *Voprosy literatury*, 2007, №3. [online] URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/3/iv7-pr.html> (data obraščeniya: 1.03.2015).
- KAZNAČEJEV, S.: *Kratkaja istorija voprosa o „novom realizme“ (ne mogu smolčat')*. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/kaznatsheev.htm> (data obraščeniya: 1.02.2015).
- KOLESNIKOV, D.: *V zaščitu novogo realizma*. In: *Literaturnaja Rossija*, 2010, №34-35 (20.08.2010). [online] URL: <http://www.litrossia.ru/2010/34-35/05521.html> (data obraščeniya: 1.02.2015).
- LEJDERMAN, N. – LIPOVECKIJ, M.: *Žizn' posle smerti, ili Novyje svedenija o realizme*. In: *Novyj Mir*, 1993, №7. [online] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/7/litkrit.html
- MARKOVA, D.: *Novyj-prenovyj realizm, ili Opjat' dvadcat' pjat'*. In: *Znamja*, 2006, № 6.

- JEROFEJEV, V.: Moskva – Petuški. SERANN, 2002. [online] URL: <http://www.serann.ru/text/moskva-petushki-9669> (data obraščeniya: 8.03.2015).
- POPOV, Je.: *Diskussionnyj klub. Sovremennaja literatura: Nojev kovčeg?* In: Znamja, 1999, № 1.
- POSPIŠIL, I.: *O cennostjach, vlasti i otvetstvennosti v literature i iskusstve.* In: Novaja rusistika, 2014, roč. VII, № 2, s. 65–68.
- PUSTOVAJA, V.: *Manifest novoj žizni. O. Špengler „Zakat Jevropy“ – T. Tolstaja „Kys“ – S. Šargunov „Ural“* In: Prolog, 2004. [online] URL: <http://ijp.ru/razd/pr.php?failp=01501200215> (data obraščeniya: 1.03.2015).
- PUSTOVAJA, V.: *Diptich.* In: Kontinent, 2005, №125.
- PUSTOVAJA, V.: *Novoje «ja» sovremennoj prozy: ob očiščenii pisatel'skoj ličnosti. V. Makanin, S. Gandlevskij – R. Senčin – I. Kočergin.* In: Novyj Mir, 2004, №8.
- PRILEPIN, Z.: *San'kja.* In: Doroga v dekabre. Moskva: AST, 2014.
- ROGOVA, A.: *Sčast'je Alenuški.* In: Rossijskaja gazeta – Federal'nyj vypusk №6389 (117) 2014 (27.05.2014). [online] URL: <http://www.rg.ru/2014/05/24/evtushenko-site.html> (data obraščeniya: 29.05.2014).
- RUDALEV, A.: *Bran' s pustotoj. Osnovnoj sjužet ruskoj kul'tury.* In: Naš sovremennik, 2014, № 2, s. 198–201.
- RUDALEV, A.: *Vtoroje dychanije «novogo realizma».* In: Graždanskij literaturnyj forum Rossii, 2010. [online] URL: <http://glfr.ru/svobodnaja-kafedra/vtoroe-dichanie-novogo-realizma-andrej-rudal-jov.html> (data obraščeniya: 1.03.2015).
- RUDALEV, A.: *Katechizis «novogo realizma».* *Vtoraja volna.* In: XXI VEK. Itogi literaturnogo dešjatiletija: jazyk – kul'tura – obščestvo. UIGTU, 2011. [online] URL: <http://www.rospisatel.ru/sbornik-konfl1.htm> (data obraščeniya: 1.03.2015).
- TOLSTOJ, I.: *Priključenija slov. Interv'ju s Šargunovym.* In: Rossijskaja gazeta. 2011. Federal'nyj vypusk № 5381 (5) 2011 (14.01.2011). [online] URL: <http://www.rg.ru/2011/01/14/shargunov.html> (data obraščeniya: 1.11.2014).
- FROLOV, I.: *Geometrija literatury.* In: Ural, 2010, №1. [online] URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2010/1/fr13.html> (data obraščeniya: 1.12.2014).
- FROLOV, I.: *Čudišče stozevno i bezjazyko. «Novyj realizm» kak diktatura chamstva.* In: LG, 2010, №11 (6266) (2010-03-24). [online] URL: <http://old.lgz.ru/article/12025/> (data obraščeniya: 1.03.2015).
- ČUPRININ, S.: *Russkaja literatura segodnja. Žizn' po ponjatijam.* 2007. [online] URL: http://www.e-reading.link/chapter.php/101082/246/Chuprinin_-_Russkaya_literatura_segodnya._Zhizn'_po_ponyatijam.html (data obraščeniya: 12.02.2014).
- ŠARGUNOV, S.: *Otricanije trauma.* In: Novyj Mir, 2001, №12. [online] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (data obraščeniya: 1.03.2015).
- ŠARGUNOV, S.: *Interv'ju: Ja ne buntar, ne excentrik, a živoj zdravomysljaščij čelovek.* In: Bělomorkanal, 2010 (02.05.2010). [online] URL: <http://tv29.ru/index.php?point=culture&bl120number=2058>, tv29.ru (data obraščeniya: 1.12.2015).
- ŠKLOVSKIJ, V. B.: *Literatura vne „sjužeta“.* 1925. [online] URL: <http://transformations.russian-literature.com/node/17>. (data obraščeniya: 1.03.2015).

PECHAL, Z.: *Fragmentárnost jako paradoxně jednotící rys současné ruské prózy*. In: ROSSICA OLOMUCENSIA. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Olomouc, 2013, Vol. LII., Num. 2, s. 161–170.

POSPÍŠIL, I.: *Národní obrození a literární směry (několik úvah)*. In: Slavica Litteraria 16, 2013, 1–2, s. 59–68.

PhDr. Inna Kalita, Ph.D.

Katedra bohemistiky

Pedagogická fakulta, Univerzita Jana Evangelisty Purkyně v Ústí nad Labem

České mládeže 8, 400 96 Ústí nad Labem, Česká republika

inna.kalita@ujep.cz